

Валька из пятого «Б»

Дом на Северной, 47, в котором мы прожили меньше года, был последним на улице не только всю войну, но и несколько послевоенных лет. Другая же сторона вообще заканчивалась домом N 28.

Здание сохранилось и поныне. Теперь это довольно ветхий дом. За последние два десятилетия в роли его хозяев успело побывать не одно учреждение: отдел архитектуры города, Ленинский райисполком (помните, когда город какое-то короткое время состоял из двух районов), общество любителей книги, бюро по обмену квартир, горуно. Изначально же это была школа N 6. Кстати, последняя деревянная. Последующие школьные здания строились уже из кирпича.

Никаких парт, классных досок и прочих школьных аксессуаров теперь, разумеется, в здании нет. И быть бы той шестой школе полностью забытой, если бы не эта скромная мемориальная доска на фасаде, появившаяся несколько лет назад. Текст гласит: «Здесь, в здании бывшей школы N 6, в 1940 - 1941 годах учился выдающийся русский писатель Валентин Саввич Пикуль».

Здесь нам придется сделать маленькое отступление.

Еще лет десять назад на встрече с пионерскими активистами ребята поинтересовались, в какой школе я учился.

- В шестой, но только той школы уже нет.

Сразу же протянулось несколько рук.

- Как это нет, мы в ней учимся...

Пришлось объяснить, что та школа, выполнявшая свое предназначение более тридцати лет, закрылась... за ненадобностью, некого стало учить. Вполне достаточно оказалось новых школ, построенных по соседству. А номер, дабы не было пробелов в порядковом перечне, в горно решили присвоить новостройке. Так появилась еще одна школа N 6, теперь уже на улице Ломоносова, отсчитывающая свою историю с 1980 года и не имеющая никакой связи со своей предшественницей. Точно так же «двойники» были и у второй, третьей, десятой школ. Думаю, что это сделано напрасно и кроме путаницы в документах, к которым рано или поздно еще будут обращаться, ничего не даст...

Где-то в конце семидесятых по командировке Союза писателей в Северодвинск приезжал довольно известный в то время писатель и журналист Александр Дунаевский, автор книг о революционерах-интернационалистах Жанне Лябурб, Фрице Платтене, Олеко Дундиче и многих других. Состоялось несколько встреч с заводской молодежью, с молодыми строителями, во время которых он увлеченно рассказывал о судьбах героев своих книг.

В один из вечеров я отважился пригласить его в гости. Надо сказать, что собеседником он оказался интереснейшим. Тем более, что не один десяток лет работал разъездным корреспондентом «Правды» и успел изрядно поколесить по стране.

Дома я в то время был один и пока сервировал нехитрый стол, Александр Михайлович подошел к книжному шкафу.

- Ага! Юрий Герман. С этим морячком встречались в Полярном, даже не один раз. Кто там дальше? А... Федор Панферов. С ним в редакции не раз виделся, он для «Правды» много писал... Михаил Александрович Шолохов, с ним, правда, всего один раз побеседовал, на съезде писателей.

Взгляд Александра Михайловича продолжал скользить по корешкам книг и вдруг остановился.

- Ну, вот! Даже если я стану уверять, что с ним тоже встречался, вы же все равно не поверите.

Поверить и в самом деле было трудно. Далее шел Шекспир...

Мне бы тоже очень хотелось сказать, что я учился с Пикулем, но не смею, не имею права этого сделать, хотя должен заметить, что временной отрезок между нашими житейскими путями был не столь и велик.

Все это было близко, все было где-то около. Судите сами. Пикуль расстался со школой в Молотовске, как оказалось, навсегда, в сорок первом. Я впервые вступил на ее порог в сорок втором. А чуть раньше, в том же сорок втором, какое-то время мы оба жили в Соломбале. Флотский полуэкипаж от нашего дома был в пяти минутах ходьбы. В Молотовске, как и Пикуль, я тоже ходил в Дом пионеров. Правда, действовал по

В. С. Пикуль

принципу «драмкружок, кружок по фото, мне туда идти охота». И записывался то в столярный, то в фото, то в кружок баянистов. Пикуль же отдавался любимому увлечению с проявившейся уже в детские годы настойчивостью и целеустремленностью, еще не зная, какое существенное влияние оно окажет на выбор его профессии, жизненного пути.

Не раз во время недавнего журналистского поиска я прошелся по скрипучим полам и крутым лестницами бывшей школы, побывал в доме на углу Индустриальной и Полярной, посетил место, где стоял когда-то деревянный Дом пионеров. Зримо представил пути-дороги школьника Вали Пикуля.

Впрочем, давайте по порядку.

Это теперь на вопрос, кто такой Пикуль, ответит каждый школьник. Тогда же, в пятидесятых годах, когда появилась его первая книга «Океанский патруль», это имя еще было совершенно неизвестным. И хотя сам писатель не любил вспоминать об этом своем произведении, считая его слабым, «образцом того, как не надо писать романы», она была читаемой. Помню, что в городской библиотеке на «Океанский патруль» какое-то время даже записывались в очередь. Книгу передавали друг другу, и никто при этом не догадывался, что ее автор с непривычной для северных мест фамилией имеет самое непосредственное отношение к нашему городу. Да даже если бы кто-то и вспомнил, что это тот самый худощавый мальчишка, который учился перед войной в шестой школе, то ему бы сразу не поверили. Представлялось, что написавший такую толстую книгу должен быть солидным, маститым писателем, а тут всего-навсего двадцать с небольшим. А между тем, именно ему в недалеком будущем предстояло обрести огромную известность. «Баязет», появившийся после семилетнего молчания, а вслед за ним «Париж на три часа», «На задворках великой империи» - стали бестселлерами шестидесятых годов.

Не берусь судить, как возникла у Пикуля тяга к истории. В то же время возьму на себя смелость утверждать, что любовь к морю у будущего мариниста пробудилась здесь, на Севере, и не без влияния отца, четыре года прослужившего на миноносце «Фридрих Энгельс» и как реликвию хранившего флотскую тельняшку. Спустя годы, окончив экономический институт, Савва Михайлович выбрал судостроительный завод, поближе к флоту.

Секрет секретом, но мальчик знал, что в Молотовске, куда отца перевели из Ленинграда, тоже будут строить корабли и что в огромном эллинге, видимом с любой улицы города, уже заложены крейсер и линкор.

Разговор о море, о кораблях в семье возникал часто. Валя же после школы торопился в Дом пионеров, недавно отстроенный, еще пахнувший свежей сосной. Кружок, куда он записался, назывался «Юный моряк». Бывший моряк Н.И. Сметанин объяснял ребятам азы флотской терминологии, рассказывал о типах боевых кораблей, показывал, как вязать морские узлы, обучал флажному семафору.

О кружке Дома пионеров, о том, какую роль сыграл он в его судьбе, рассказывал сам Валентин Пикуль в беседе с северодвинским книголюбом А. Буториным. Но каких-либо документальных подтверждений не было. Здание первого Дома пионеров на Индустриальной улице не сохранилось, совсем недавно оно пошло на снос. Нет в архивах и отчетов о его кружках. И все же подтверждение нашлось. Почти не надеясь на успех, я решил просмотреть городскую газету, возможно, она писала о Доме пионеров. И вот, читаю:

«С увлечением и серьезно занимаются ребята в кружке «Юный моряк» в Доме пионеров, готовясь стать в будущем настоящими отважными моряками... Многие из них имеют хорошие оценки за

Дом на Индустриальной, 36

отличную успеваемость. Витя Грязнов, Валя Пиккуль (выделено мною. - А.Б.), Коля Черняев - лучшие кружковцы - готовятся к сдаче норм на значок «Юный моряк». Это выдержки из корреспонденции «Юные моряки» в городской газете «Сталинец» за 26 декабря 1940 года. И наверняка самое первое упоминание в печати имени будущего писателя.

Здесь же есть и краткие сведения о его первом наставнике по флотскому делу. В духе тех лет автор корреспонденции пишет: «Терпеливо передает ребятам свои знания Николай Иванович Сметанин, руководитель кружка. Он предоставляет простор детской творческой фантазии. Николай Иванович работает в школе N 1. Когда завязались бои с белофиннами, Николай Иванович, кандидат в члены ВКП (б), исполнял обязанности старшины на одном из боевых советских кораблей»...

В сорок первом Валя сдал испытания за пятый класс. Впереди, казалось, ожидала радостная пора - каникулы у бабушки в Ленинграде, встреча с давними друзьями. Но обернулось по-иному: война внесла во все суровые коррективы. Вернуться до осени не удалось. Тринадцатилетнему мальчишке пришлось зимовать в осажденном городе, полной мерой хлебнуть блокадной голодной и холодной жизни, тушить зажигалки, видеть смерть людей, разрушенные бомбежкой дома. И возвращаться в сорок втором

«Дорогой жизни» одним из эшелонов, идущих в Молотовск с тысячами изможденных до предела людей. Многие из них погибли в пути, немало из прибывших нашли вечный приют на

ягринском кладбище в нескольких шагах от Белого моря. Уцелевшим же долго надо было приходить в себя, лечиться от цинги и дистрофии.

Впрочем, в Молотовске Вале уже было делать нечего. Отец еще с декабря стал флотским командиром и отыскался в Архангельске.

Мальчик потихоньку поправлялся, исчезли отеки, прошла одышка. Он уже подолгу гулял на улице. Дальше его жизнь круто изменил случай. Как-то раз он увидел строй ребят, идущих по набережной Северной Двины в сопровождении матросов. То были будущие юнги. В романе «Барбаросса». Пиккуль так вспоминал об этом событии:

«13 июля 1942 года мне исполнилось 14 лет... День своего четырнадцатилетия я отметил поступком, в котором никогда не раскаивался и раскаиваться не стану до самой смертной доски: я отпраздновал свой день рождения тем, что убежал из родительского дома.

- Куда ты, Валя? - крикнула, помню, мать.

- Я сейчас... на минутку. Скоро вернусь, - ответил я.

И вернулся только через три года, бренча медалями, разметаая пыль широкими клешами, заломив на затылок бескозырку с широковещательной надписью на ее ленте: «Грозный»...

Но перед этим предстояла отборочная комиссия.

Будущему юнге не хватало возрастного ценза. Выручил чудом сохранившийся конспект, который он старательно вел в кружке у Сметанина. С этим конспектом, вернее, с двумя бухгалтерскими тетрадями, необычный кандидат в юнги предстал перед строгим судилищем. На тетради обратили внимание, прочитав на обложках: «Военно-морское дело». Еще

585 223

Муниципальная
библиотечная система
г. Сыктывдинск

с 80

больше заинтересовались, увидев, что внутри тетрадей над рубриками дебета и кредита размещен текст, украшенный рисунками на морские темы. Поэтому, как вспоминал впоследствии Пикуль, и разговор начался узкоспециальный.

- Какие огни несет судно, стоящее на рейде?
- Штаговый и якорный гакобортный.
- Каких систем якоря знаешь?
- Знаю по алфавиту: Болда, Гаукинса, Денна, Инглефильда,

Марелля...

- Стой, передохни! Какой якорь принят на нашем флоте?
- Холла. Самый надежный. С поворотными лапами...

Возможно, помогло и его отчаянное заявление:

- У меня отец флотский комиссар!

Школа юнг, куда был зачислен сбежавший из дому будущий писатель, находилась в соломбальском полуэкипаже и готовилась к переезду на Соловки.

«Перед отплытием меня отыскал отец, который тогда служил офицером на Беломорской военной флотилии, - писал впоследствии Пикуль. - Он был как-то особенно мрачен, но поступок мой не осуждал. В эти дни проводилась добровольная запись моряков в морскую пехоту, которую готовили для боев в Сталинграде, и отец был в числе тех, кто первым поставил свою подпись под длинным списком добровольцев.

- Так надо было, сынок, - помню я его слова.

Свидание было кратким, и отец ушел, даже не оборачиваясь, чтобы в руинах Сталинграда сложить свою голову. Больше я его никогда не видел».

Эсминец «Грозный», на котором служил будущий писатель (фото из личного архива А. Бобрецова)

Ратный подвиг Саввы Михайловича не забыт. В музее Трудовой славы и воинской доблести Севмашпредприятия (так теперь называется завод N 402) есть посвященная ему экспозиция, а на плитах

заводского мемориала отлита среди имен 1483 бойцов, не вернувшихся с войны, его фамилия.

Узнать, в какой школе учился Пикуль, удалось несколько лет назад. А вот с домом, где жил, неоднократно возникали сомнения. Назывались несколько адресов, чаще всего Республиканская, 36. Не внес в свое время ясности в «адресную проблему» и сам Валентин Саввич, который, откликнувшись на письмо северодвинских краеведов Л. Черняевой и Е. Колодкиной, ответил, что ему

Отец писателя Савва Михайлович Пикуль

запомнилось лишь находящееся поблизости «огромное здание кирпичной бани, нахально возвышающееся над скромными деревянными домами по улице Лесной». Но недавно, просматривая архивные документы шестой школы, краевед Александр Бобрецов обратил внимание на адрес Валентина Пикюля. В классном журнале значился действительно дом 36, но не по Республиканской, а по Индустриальной.

Потребовался новый поиск. К счастью, выяснилось, что домовая книга предвоенных лет по этому дому прекрасно сохранилась, теперь уже можно документально подтвердить, что инженер Савва Михайлович Пикуль вместе с женой Марией Константиновной и сыном Валентином жили в пятой квартире дома 36 по улице Индустриальной. Удалось отыскать и одного из соседей. Илларион Иванович Горбов жил в той же самой квартире. С ним удалось еще поговорить. Сейчас, к сожалению, Иллариона Ивановича уже нет в живых.

Откуда же возник адрес: Республиканская, 36? Он указан в анкете, которую Савва Михайлович заполнил при поступлении на работу. По всей видимости, в этом доме коридорной системы он жил совсем недолго, и один. С приездом жены и сына в сентябре

Юнга эсминца «Грозный» Северного флота Валентин Пикуль после демобилизации в 1946 г.

1940 года семейство Пикулей получило просторную комнату в трехкомнатной квартире.

Сравнительно недавно на мою публикацию о Пикуле неожиданно откликнулась и одна из Валиных одноклассниц.

- Быстрый, очень подвижный ленинградский мальчик, - рассказывала Тамара Арсеньевна Сорокина (в прошлом Тамара Дьяконова), - всегда в красивых костюмчиках. Эрудицией для своего возраста выделялся. Интересный, в общем, мальчик был, и девочкам сильно нравился. Я с ним месяца два за одной партой сидела, а потом его к моей подруге, Вале Колпачниковой пересадили...

И опять удивляюсь, как порой искомое находится совсем рядом и все же остается не найденным. Это я о том, что в разговоре с Тамарой Арсеньевной выяснилось: она меня помнила с 1942 года. Как? Откуда?

А вот, оказывается, откуда. В предыдущей главе я рассказывал о больничном знакомстве с «комрадом» Питером. Так вот, тогда я лежал в одной палате с ее папой. Арсений Григорьевич, старший контрольный мастер с завода, тяжело болел, и каждый день у его кровати появлялась девочка, кормила, рассказывала какие-то свои нехитрые домашние истории.

То и была Тамара. Спасти Арсения Григорьевича не удалось. А в семье - еще две дочери, помладше. Время же, сами представляете, какое было. Но выдюжили. Все три окончили учебные заведения и продолжили отцовскую династию, став корабелями.

Вернемся же снова к Пикулю. Ни я, ни Тамара, конечно же, не предполагали, каких высот, какой известности достигнет тот парнишка в красивом костюмчике. А если бы...

Недавно пришел последний том собраний

Тамара Дьяконова

сочинений Пикуля, выпущенный издательством «Новатор». Двадцать шесть книг в моем книжном шкафу заняли почти целую полку, но ожидается выпуск и более полного собрания сочинений. Именем писателя названа новая планета, спущен на воду теплоход «Валентин Пикуль». В Северодвинске, благодаря настойчивому поиску и хлопотам группы краеведов и заведующего городским отделом культуры Виталия Пятницкого появилась мемориальная доска. И все это в память о нем. О Вальке из шестой школы, достигшем всемирной известности благодаря огромному труду и настойчивости, бегавшим когда-то по деревянным мостовым в рождающемся городе Молотовске.

Арсений Григорьевич Дьяконов

